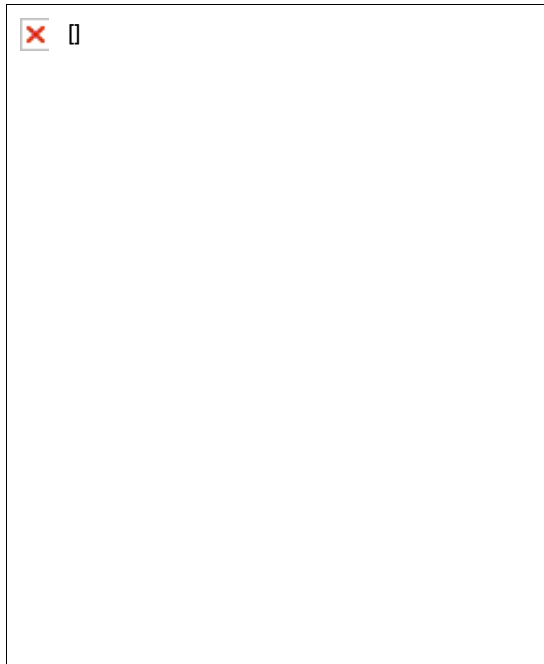

Нѣчто о П. И. Макаровѣ.

Смѣю ли выговорить то, о чемъ думаю -- къ несчастію, давно и не безъ основанія?... Живѣйшее огорченіе дѣлаетъ меня нескромнымъ: простите сильному, невольному чувству сердца!... Мнѣ кажется -- вотъ тайна моя -- что ни въ какомъ состояніи, ни въ какомъ ремеслѣ, нигдѣ на свѣтѣ *зависть* и *ненависть* не острятъ болѣе жалѣ своихъ, какъ между Авторами {Конечно не такимъ, которые имѣютъ истинный талантъ.}...! Не стану и не умѣю изслѣдовать, отъ сего это; не буду брать примѣровъ изъ писателей древнихъ и новыхъ, а скажу только слова два о *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, на которой упала слеза моя.... „Слеза?" Такъ точно -- и свидѣтельствуюсь Небомъ, что не *мнимая*, но истинная, пламенная, сердечная.

Разкрываю девятую книжку сего Журнала, и читаю: *Разсмотрѣніе всѣхъ рецензій, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ изданіи подъ названіемъ: Московскій Меркурій, издаваемый на 1803-й годъ, стран. 294.*-- „Ахъ! Рецензента нѣтъ уже на свѣтѣ!" сказалъ я съ глубокимъ, тяжкимъ вздохомъ. „Посмотримъ," что говорятъ объ немъ," продолжалъ я -- и томною рукою перевертываю страницы.... Горестъ стѣснила душу мою... „Чувствуетъ ли мирный прахъ твой несправедливость человѣческую?" говорилъ я къ тѣни Макарова: „тамъ -- за предѣломъ жизни -- въ нѣдрахъ холодной могилы -- чувствуетъ ли нѣжное сердце твое удары зависти и ненависти?... Нѣтъ! ты предоставилъ чувствовать ихъ за себя тѣмъ, кто умѣлъ цѣнить твои достоинства!... Покойся же въ пристани вѣрной и единственной!

Не понимаю, какимъ образомъ ученикъ вздумаетъ наставлять своего Учителя! А сколько разъ видѣли мы странную эту смѣлость на опытѣ!... и кому предписывали уроки?.... Автору, который прославилъ нашу Литтературу; который обратилъ на себя вниманіе всего Ученаго свѣта; которому отдаютъ справедливость Писатели чужестранные -- словомъ, Гну. Карамзину!... И кто же сіи законодатели?.. Богъ знаетъ; крайней мѣрѣ они не извѣстны никому со стороны отличныхъ талантовъ.

Разсматриватель рецензій, помѣщенныхъ въ Московскомъ Меркуріѣ, Говорить: „надобно то и то; надобно такъ и такъ" -- знаемъ; но сто поученій не стоятъ одного примѣра. Макаровъ писалъ прозою съ такимъ искусствомъ, съ такою разборчивостію, съ такимъ вкусомъ, которые опредѣляютъ ему мѣсто, безъ всякаго промежутка, подлѣ Гна. Карамзина... Вотъ самое лучшее наставленіе для тѣхъ, которые хотятъ научиться слогу!...

Первый, изданный Макаровымъ переводъ романа, подъ титуломъ: *Сен-Меранъ*, уже отличился отъ всѣхъ переводовъ нашихъ того времени чистотою языка и пріятностію колорита, не смотря на нѣкоторыя ошибки и галицизмы, которыя можно находить въ семъ переводѣ. Между тѣмъ Макаровъ былъ такъ недоволенъ имъ, что выкупилъ всѣ, или почти всѣ, экземпляры первой Части, напечатанной въ Петербургѣ, сжегъ ее и напечаталъ въ Москвѣ другую {И все еще былъ весьма недоволенъ, хотѣлъ опять перепечатать вмѣстѣ съ другими своими переводами -- но увы!} -- доказательство необыкновеннаго желанія усовершенствовать талантъ свой!